

«Город ране в Енисейске был», – говорил мой сосед дядя Гриша, Григорий Трофимович Попов, матёрейший старик, сроднившийся с Енисеем и сибирской стариной до такой степени, что, казалось, оторви его хоть на минуту, погибнет от голода и удушья. «Город ране в Енисейске был...» В этой фразе заключается судьба старинных сибирских городов, которые, будучи во времена освоения Сибири опорными и центральными, к двадцатому веку оказались в стороне и уступили ношу столичности Красноярску и Новосибирску. Город Енисейск основали на левом берегу Енисея в полусотне километров ниже устья Ангары в 1619 году тобольские казаки во главе с Максимом Трубчаниновым. «...Пошли за волок в тынгусы и Тынгуской острог... ставили».

В одно из десятилетий восемнадцатого века (с 1730 по 1740 год) сюда из Тобольска ходило более двух десятков тридцатитонных судов. В ту же пору здесь проходила ярмарка с пушным отделом – самым большим в Сибири. Суда шли с Оби по Кети до острога Маковский, а дальше до Енисейска на лошадях, или, как говорят в Сибири, на конях.

До конца восемнадцатого века путь из Томска на Иркутск проходил именно через Енисейск, но после обустройства нового Сибирского тракта через Красноярск началось угасание этого важнейшего городка. Его судьба лишь отчасти сходна с судьбой Томска, минувший который в 1893–1896 годах, прошёл Транссиб. Именно железная дорога превратила малоизвестный Новониколаевск в столичный Новосибирск и лишила Томска центральной роли. Но если этот первый в Сибири университетский город лишь несколько померк перед гигантским

Новосибирском, то с ростом Красноярска Енисейск свою роль утратил убийственно.

Когда я впервые здесь по молодости оказался, то и значения-то не придавал этому городку, такому заштатному по сравнению и с Красноярском, и с Абаканом. Я ничего о нём не знал и проникся его духом, только когда стал бывать и интересоваться историей. Оказалось, что в Енисейске служил рядовым казаком Семён Дежнев. Именно енисейские казаки основали Красноярск, Якутск, Иркутск, Нерчинск. Енисейск стоял на перекрестье путей и, как канаты, держал в трудовых руках связи с огромным Енисеем, Ангарой и Леной, собирая ясак с кетских и тунгусских племен и служа перевалочной базой. В 1642 году здесь был возведён Спасо-Преображенский монастырь. К концу XVII века Енисейск стал в Сибири вторым после Тобольска центром ремёсел и торговли. Через Енисейск пролегали торговые пути на Тобольск и Москву, на восток и юг Сибири, на Амур и в Китай.

Енисейск сохранил облик сибирского города XVIII–XIX вв., по сути являясь музеем под открытым небом, но экспонаты находятся в таком удручающем состоянии, что сердце обливается кровью. Нигде не испытываешь такого чувства запустения и такой любви ко всему уходящему, как в этом тихом городке, поражающим количеством старинных домов и домишек с удивительными наличниками – их очертания необыкновенно плавны, а узоры-завитки с глазками придают зрячее выражение. Купеческие дома, деревянные, каменные, каменно-деревянные с несусветными ажурными угловыми верандами на втором этаже, храмы, восстановленные и нуждающиеся в восстановлении, покосившиеся, уходящие в землю избы с наличниками и ставнями, потемневшие от времени заборы... Вольно разросшиеся тополя. Полузаросшие травой могильные плиты в Спасо-Преображенском монастыре. И ты... Со всем этим один на один. С глаза на глаз с бессонно текущим в душу потоком родной земли. Со страдание к ней. Ощущение ушедшего времени, разрывающий сердце взор старины и контраст с тем, что испытываешь в сияющих исторических центрах более везучих городов. И мысль: ну почему, несмотря на утрату столичности, нельзя заняться сохранением архитектурного наследия, как это делается в Тобольске, который хоть и тоже в стороне, но несравненно ухоженней Енисейска, в чём во многом заслуга Аркадия Елфимова, мецената и знаменитого собирателя Русского мира. Но Енисейск история особая, и я уверен, что его рвущая душу запущенность зачем-то нам дана – наверное, чтобы открыть в себе самый пронзительный род любви.

В Енисейске в Спасо-Преображенском монастыре долгое время жил замечательный человек отец Севастьян, настоящий старец наших дней, единственный во всей епархии совершавший чин отчитки. К нему ехали со всей Сибири. Теперь он в том самом Маковском, через который шла связь с Тобольском. А в Енисейск приезжают молиться, думать, писать картины. Видно, место такое.

Мне всегда была близка и понятна параллель человек–страна, человек–город. Она казалась мне ключом к пониманию отношений между человеком и его землёй, хорошо объясняющим и укладывающим в душе отношение к нашей истории и пространству. Когда отождествляешь эти понятия с человеком, то становится очевидной неделимость Русского мира. Ведь не отрежешь себе часть туловища, ногу, кусок головы. Город, городок, деревня так же болеют и выздоравливают, рождаются и клонятся к закату, оставляя детей в надежде на продолжение

жизни. Страна так же, как и человек, испытывает рост и внутреннюю распря – гражданскую войну, так же бьётся с недугами и недругами, защищая свой очаг.

Мы привыкли рассматривать Русский мир в защитном противостоянии агрессивным цивилизациям, забывая, что порой и смыслы внутри нашего мира меняют пути, и упадок и разрушение вызываются изменением географии жизни и передвижения.

Обо всём этом я думал прохладным осенним днём, двигаясь по трассе Красноярск–Енисейск. Дорога становилась всё задумчивей, асфальт старее, кое-где прерываясь бетонкой, ритмично отдающей в колёса, а редующие посёлки и редкие машины усиливали отрешающее ощущение от этого пути на север. Чем ближе был Енисейск, тем сильнее я волновался – каждая встреча с этим городом особый разговор. Особое усилие и особый вопрос: долго ли город-музей будто погружаться в прошлое, несмотря на обращение в ЮНЕСКО взять его на поруки? И не позорище ли такие обращения, отдающие признанием собственного бессилия? И что будет, когда сменятся поколения и встанет вопрос: кому принять на плечи ношу этого города, понести его образ дальше? Найдётся ли вообще кто-то раненный этим образом?

Уже шли подступы к Енисейску и тянулся промышленный Лесосибирск, который давно перерос Енисейск со своими лесоперерабатывающими предприятиями и огромным речным портом. С самым большим к востоку от Урала Крестовоздвиженским красавцем-собором, построенным в наши дни и архитектурно напоминающим собор Василия Блаженного. И ещё с одним строящимся храмом. Всё это я видел много раз, но, повторяюсь, ехал в Енисейск с новым ощущением. В моих глазах стояли картины молодой красноярской художницы Евгении Аблязовой.

Евгения – я знаю её не первый год и зову Женя – настоящая гордость нашего края, она, конечно же, член Союза художников России, участница многих выставок и представляла свою живопись, участвуя в международных пленэрах в Сирии и Италии. Женя занимается ещё и преподаванием.

Енисейск – Женина тема. Я давно не видел картин, в которых было бы столько материнской заботы к тому, что любишь и хочешь спасти. Под впечатлением от них я записал интервью с Женей и теперь вместо музыки в машине звучал её задумчивый голос:

– Думаю, главное для художника – найти тему, близкую сердцу и не надуманную. Сейчас в том, что называют современным искусством, многое делается ради денег. А найти свою тему, которая тебя трогает и наполняет, – это большое счастье. Мне повезло. Я родилась в Енисейске, в месте, которое само по себе напитано глубокой энергией, удивительным духом. У меня простая семья, мама – библиотекарь, бабушка – учитель русского языка и литературы, с детства мне прививали духовные ценности. Какую поддержку мне дала семья! Мной гордились, помогали во всем. Это долгий путь – вырастить художника, начиная с шести лет, с того момента, как меня повели в художественную школу. Потом училище, потом институт. Мы долго учимся. Наверное, я осознала свой путь не сразу, не помню ощущения выбора: мне кажется, все решило само окружающее пространство – это же Енисейск!

«Енисейск» – отсёк придорожный щит, и, едва я въехал в осенний городок, закрапал дождь, словно подчёркивая особенность происходящего, и через несколько минут я шелестел по потемневшим блестящим улицам, сравнивая Женины картины с тем, что видел по сторонам.

Картины Аблязовой при всей их сознательной сдержанности настолько выразительны, что я уже не понимал, что первородней – её портреты енисейских окошек или сами эти окна, проплывающие мимо в выцветшей своей красе. Я остановился возле такого дома – в нём была раньше, кажется, почта, но висел ржавый засов. Поддаваясь настроению, я медленно нащупал кнопку на дверце. Покрытое крупными каплями стекло так же медленно оползло, и в машину хлынул запах дождя. Целый мир влажным лезвием тронул и без того обострённую душу.

Правая посадка за рулём позволяла мне глядеть в глаза и окнам, и удивительным здешним наличникам. Чуден зрячий совиный вид их глазков! Будто время глядит на тебя недвижно и пристально. Наличники эти появились в конце XIX века в русле моды на «изящный вкус», которая в аскетической обстановке Сибири выглядит неожиданно оранжерейно, да и ничего подобного в остальной округе не увидишь. Это же «сибирское барокко» есть в Томске и Иркутске, что подчеркивает историческую связь между этими главными городами, их былую близость.

Порыв ветра влажно и шумно прошёл по тополям, дождь с силой осыпал и мостовую, и крышу машины, и я несколько раз тронул клавишку громкости. Чистый Женин голос прозвучал отзывчиво и будто окрепнув:

– Домики, да. Балясинки, наличники... А та часть, что над окном, называется сандрик. А сами завитки с глазками – волноты. В училище я любила рисовать то, что покривее, что завалилось, – такая живая пластика. Это по технике рисовать интереснее. А теперь есть любимый небольшой участок, там три-четыре дома. Раньше меня это место не привлекало, а теперь я его вдруг открыла и написала много этюдов. Бывает, ищешь место, ходишь часами. Многое зависит от освещения, от времени года. Можно неожиданно увидеть какую-то фактуру в короткий момент. Маленькие случайные мгновения.

Я закрыл окно и тронулся, медленно поехав вдоль домов и заборов, которые угловато ломались, то уходя в землю, то снова будто выплывая на поверхность нашего времени. Заборы были прямоугольных линий с ажурными карнизами на воротах. Доски располагались то в строчку, то ёлочкой. И без того тёмные, они особенно потемнели от дождя.

– Не каждому зрителю нужны серьезные выстраданные вещи, – прозвучал Женин голос, – кто-то скажет, что это мрачно, например, спросит: «а почему здесь забор сломанный?» Есть прикладная сторона искусства, а есть содержательная, бесконечная по поискам. Как есть картины для жизни, интерьерные, а есть – для музея. Последние могут быть прекрасны, но они для... встречи, а не для того, чтобы с ними жить. Если покупаешь картину, помни, что с ней придётся жить, как с членом семьи. Это очень тонко. Мне кажется, картины – это такие же люди как мы.

Я уже не понимал, где Женины картины, а где настоящие дома, по-разному покосившиеся и с разным выражением глаз. Несмотря на старость, и избы, и заборы образовывали очень плотный ряд. Вдруг в нём открылся зияющий квадрат.

– Я приезжаю и в любую погоду брожу и стараюсь побольше подметить, захватить. Проверить, всё ли на месте. – Женя помолчала – Бывает, уже не всё... А если и всё, то смотрю, где что ещё отвалилось или оторвано. Сейчас все глобально меняется, даже отношение к семье. А у меня к семье очень глубокая привязанность. И возможно, это тоже

объясняет мою привязанность к месту – к деталям, которые дороги. И даже к простым вещам, которые нравится рисовать – опавшему листу под ногами, капусте в огороде, вот этим домотканым половичкам. Да... такие вот мы немодные... Я считаю, что художник должен просто быть искренним. И если я это всё люблю, из этого состою, мне не надо ничего выдумывать... А я всегда любила Енисейск. И не было желания сбежать оттуда, мол, дыра, деревня...

Я неумолимо двигался в сторону Спасо-Преображенского монастыря. На Жениной картине главный собор проглядывается сквозь золотую листву. егодня всё было серым, блестящим от дождя... Это обычные отношения жизни и искусства, существующего, чтобы открывать в окружающем обобщающий смысл. Силу образа.

– Иногда так страшно, – сказала вдруг Женя, – а вдруг темы кончатся? Но они не кончаются. Я очень жалею, что не написала тогда портрет отца Севастьяна, но я бы наверно и не осмелилась... А теперь жалею... Но коплю материал, этюды натурные, фотографии – все пролистываю и вдруг вижу совсем другое, новое, неожиданное. Енисейск, думаю, всегда будет основой для меня. Но я надеюсь, что подкоплю человеческого опыта и выйду на более широкие темы. Может быть, это будут что-то общенравственное, религиозное. Или портретное. Вообще, мне кажется, нормальный художник никогда не думает о шедеврах. Просто делает то, что его трогает. Я знаю, что всегда найдется зритель. А задачи прославиться и заработать кучу денег у меня нет. Лучше быть собой на своем месте, чем неизвестно кем среди общей массы. Наш Союз художников – прекрасные, профессиональные люди, создающие настоящие произведения. Хотя они продаются, может быть, раз в год. А те ребята, которые зарабатывают деньги, шокируя зрителя... не знаю, что от этого останется, время покажет. Всё-таки есть ремесло и традиция. А все эти перфоменсы и инсталляции, когда гольшом дефилируют в ошейнике... Разве это изобразительное искусство? Для меня огромные города – жёсткая чуждая среда, их пространство меня душит. Тем более и уехать далеко от Енисейска я не могу. А друзей у меня хватает. Да и понятие одиночества для художника... особое.

Я подумал о том, что тоже всегда оказываюсь в Енисейске один. И что это труднейшее одиночество мне так же необходимо, как и Жене, бродящей в любую погоду по Енисейску и выискивающей его оттенки то в снежной слякоти, то в морочной морозности, то в прозрачности бабьего лета. И что я, бредя по полупустым улицам мимо собора с выломанной фасадной иконой, испытываю такие ощущения, которые никогда бы не испытал, если бы Енисейск был отреставрирован и полон туристических толп. Но город надо восстанавливать. Ты согласна, Жень?

– Да. Я слышала, что собирались перевезти часть ангарских изб из зоны затопления Богучанской ГЭС и сделать в пригороде Енисейска музей деревянного зодчества да ещё несколько енисейских домов спасти. Но, по-моему, все заглохло. Скорей всего, каменный купеческий центр не сломают. Подали документы в ЮНЕСКО, повесили таблички памятников федерального значения. А деревянный фонд стремительно утрачивается. Культурное отношение, к сожалению, требует больших вложений, чем... некультурное. Я очень болезненно это переживаю. Перемены, стройки. С одной стороны, я понимаю, что молодежь останется, будет растить детей, город будет жить. С другой стороны, безумно жаль этой старины. Культура – это, увы, не первоочередная

потребность человека. Дома разбирают, распиливают. А бревна внутри белые! Дома живые. Исторические окна заменяются на пластик – тупо вырезают дыру, запенивают и ляпают. Встречаются мнения – вот, мол, зачем реставрировать эту рухлядь, лучше бы садик построили! Люди не понимают, что если не спасать эту «рухлядь», то Енисейска не будет вообще. *Потому что там нет никакого другого ресурса, кроме красоты.*

Я медленно ехал вдоль Спасо-Преображенского монастыря... Дышащего, живого, уже восстановленного до такой степени, что недавний ветхий его облик казался минутным наваждением и вызывал недоверие собственной памяти. А когда-то он очень сильно пострадал от разрушителей. В довершение всего в него был буквально вживлён пивзавод. Прямо в стену. Да и стоял он говоряще: в островке между улиц Перенсона, Марковского и Рабоче-Крестьянской. Возрождение монашеской жизни началось здесь с 1990 года. В монастыре долгое время жил отец Севастьян. Вот что говорил о нём один монах: «И ещё есть у нас в епархии благодатный старец отец Севастьян под 90 годочков – духовник мужского монастыря в Енисейске (очень суровый край). За духовным советом в нашей епархии к нему только все и ездят (скольким людям он помог!). Обладает он многими дарами преизобильно. Бесов изгоняет. Только один он во всей епархии совершает чин отчитки. Всего человека и все помышления его видит как на ладони, многим говорит, как быть в их ситуации, ещё до того, как те успевают слово вымолвить, часто говорит что-то человеку, например: «а книжки-то с чёрной магией нужно обязательно из дома выбросить», а у этого человека их и нету, он вроде как и близко к сердцу эти слова не воспринимает, зато эти книжки есть у человека, который стоит рядом и обязательно это слышит, но ему отец Севастьян по любви этого не говорит, чтобы не обидеть».

Отец Севастьян был небольшого роста, с прозрачными висками и необыкновенно ясными молодыми глазами. Отличался добротой, желанием и готовностью помогать. Несмотря на преклонный возраст, он всегда находил силы для страждущих. Хотя и очень уставал. «Бывает, после службы пойдет к себе в келью отдохнуть. – рассказывает близко знавший его иеромонах: – Кто-то приезжает. Ему говоришь: «Вот, батюшка, снова приехали». Вздохнет так. Видно, что тяжело ему. Спросишь: «Может, сказать, чтоб завтра приходили?» «Нет, – отвечает, – люди приехали издалека, значит, беда какая-то их привела, надо поговорить»... Народу много идет в течение дня. По себе могу сказать, что иногда начинаешь раздражаться, хочется побыть в одиночестве. В нем этого вообще не было, проявлялись какие-то уже сверхчеловеческие свойства. Бывает, тяжело на душе, просто рядом с ним постоишь, ни слова не говоря, – и отходит уныние. Вот такой человек.

К нему приезжали самые разные люди. Среди них были руководители предприятий, члены их семей, музыканты, художники, преподаватели институтов. Многие находились на грани самоубийства, настолько невыносимы были их страдания. Демон ведь намного сильнее человека, и он пользуется своим превосходством, издевается, внушает какие-то неразумные вещи. А люди этого не понимают, пытаются с ним разговаривать. Во время отчитки внешние проявления одержимости усиливаются. Пришедшие в храм начинают кричать матом, ругать батюшку, чего до этого за ними не наблюдалось. Некоторые катаются по полу, дрыгают ногами – в общем, ведут себя неадекватно. Бывали слу-

чай, когда на отца Севастьяна пытались наброситься. Вообще такие обряды сильно сказывались на здоровье священника. Он даже в обморок падал во время отчитки... Злобная сущность действует не только на того, кто ею одержим. Когда мы участвуем в судьбе человека, мы берем на себя часть его тяжести...».

Моя хорошая знакомая, приехавшая из Новосибирска специально к отцу Севастьяну, рассказывала, как попросила у него просфоры, и они пошли в подсобку их искать. Он не мог вспомнить, где они лежат, и долго копался среди бочек с крупами и прочей жизненной всячиной. Вышел отец Севастьян по-летнему, а на улице был сильный мороз, но он не остановился, пока не нашел просфоры и не отсыпал ей целый пакет. А про деньги сказал, что денег у них хватает и что они понадобятся моей знакомой на обратном пути. Так и случилось, по дороге навалились траты, и денег хватило впритык. Сейчас отец Севастьян живёт в старинном селе Маковском Енисейского района, где продолжает служить в храме, но уже за штатом церкви. И к нему так же тянутся люди...

Я оставил машину у крашенных железных ворот и, зайдя в монастырь, прошёл в храм, где первый раз в жизни увидел отца Севастьяна, попав к нему на службу. Это было больше чем десять лет назад. После той памятной службы отец Севастьян прочитал проповедь о покаянии. Храм ещё только восстанавливался, и всё происходило в каком-то боковом помещении, чуть ли не среди опалубок и цемента. Это была сильнейшая служба в моей жизни.

Я помолился за отца Севастьяна и за Женю, после этого дня будто связавшихся в светлую и бесконечную дорогу. И поехал по мокрому Енисейску, на мостовых которого уже завязывались вечерние радужные пятна. И переживая одну радужную мысль: если по Божьей воле Енисейск восстановим, то Женины образы приобретут особую уже летописную ценность. А если нет, то всё равно останутся пронзительным напоминанием о забывчивости, картинной галерей с названием «Город, в котором ране был город».